

UOT 39; 572.9

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ И ВОСТОК

Л.З.ГЕРАЙЗАДЕ

Бакинский Государственный Университет
ladaisa@rambler.ru

Восток сыграл важную роль в творчестве Гумилева. Обращение к вавилоно-ассирийской литературе, народным песням и сказаниям Африки, персоязычной поэзии, китайскому и японскому стихосложению свидетельствует о том, что интеллектуальные возможности Гумилева-исследователя огромны. Географический охват творчества Гумилева широк – от Китая до Южной Америки, но африканская тема сопровождала поэта всю жизнь («Абиссинские песни», «Африканская ночь», «Озеро Чад», «Красное море», «Египет», «Сахара», «Экваториальный лес», «Либерия» и др.).

Ключевые слова: Гумилев, восточные мотивы, персидские миниатюры

Своим характером и своей биографией Гумилев сильно отличался от других русских поэтов своего времени, которые предпочитали путешествовать по Европе. Гумилева манили экзотические и древние просторы Африки. Восток для Гумилева довольно долго оставался окрашенным в тона несколько поверхностного ориентализма. Но поздний Гумилев порывает с этой чистой декоративностью. Его последние стихи об Африке отличаются достоверностью и деталей и самого отношения к Африке.

Географический охват творчества Гумилева широк – от Китая до Южной Америки. Но ни об одной части света, за исключением Родины, он не писал столь тепло и прочувствованно, как о земле, названной им «отражением рая» – Африке. Африканская тема сопровождала Гумилева всю жизнь («Абиссинские песни», «Африканская ночь», «Озеро Чад», «Красное море», «Египет», «Сахара», «Экваториальный лес», «Либерия» и др.).

В сборник «Чужое небо» вошли четыре авторские «Абиссинские песни»: «Военная», «Пять быков», «Невольничья» и «Занзибарские девушки». В них Гумилев с этнографической точностью изображает (иногда не без юмора, как в последней из перечисленных) специфические условия жизни в Эфиопии, ее социальное устройство.

Раз услышал бедный абиссинец,
Что далеко на, севере, в Каире,
Занзибарские девушки пляшут
И любовь продают за деньги.

...

Двадцать раз обновлялся месяц,
Пока он дошел до Каира
И вспомнил, что у него нет денег,
И пошел назад той же дорогой (4, 195).

Гумилев считал, что первоисточником всех искусств является Восток, и выражал свою солидарность с «восточничеством» Гончаровой в мадригале, сложенном в форме пантума – малайской строфы:

Павлиньих красок бред и пенье
От Индии до Византии,
Железного огня круженье,
Вой покоряемой стихии.

От Индии до Византии
Кто дремлет, если не Россия?
Вой покоряемой стихии –
Не обновленная ль стихия? (4, 465)

Восточную тематику «Огненного столпа» открывает стихотворение «Подражание персидскому». Оно представляет собой стилистическое упражнение (подобно «Подражаниям Корану») – псевдоперевод восточного оригинала. Поэт обращается к традиционному образному строю (соловьи, жемчуга, ширазские розы щек) и традиционной теме – переживаниям возлюбленного. Построение стихов тяготеет к логической структуре бейта – двустишие, в котором теза – первая строка и антитеза – вторая строка.

Ради щек твоих ширазских роз
Краску щек моих утратил я.
Ради золотых твоих волос
Золото мое рассыпал я (4, 331).

В следующем стихотворении «Персидская миниатюра» стилизация сочетается с раскрытием темы лирического героя. «Стихотворная живопись» здесь органично переплетается с переживаниями поэта:

Когда я кончу, наконец,
Игру в cache-cache со смертью хмурой,
То сделает меня Творец
Персидскою миниатюрой.

Благоухающий старик,
Негоциант или придворный,

Взглянув, меня полюбит вмиг
Любовью острой и упорной.

И вот когда я утолю,
Без упоенья, без страданья
Старинную мечту мою
Будить повсюду обожанье (4, 332).

Стихотворение это имеет два семантических плана. Первый – ведущая лирическая тема (жажда любви), второй – одна из сквозных тем, проходящих через все творчество Гумилева – тема поэтического бремени, к которой поэт обратился и в трех драматических произведениях – «Отравленная туника», «Гондла», «Дитя Аллаха».

В «Пьяном дервише» выдержаны традиционная символика и тематика газели:

Я бродяга и трущобник, непутевый человек,
Все, чему я научился, все забыл теперь навек,
Ради розовой усмешки и напева одного:
Мир лишь луч от лика друга, все иное тень
его!

Под луною всколыхнулись в дымном озере
струи,
На высоких кипарисах замолчали соловьи,
Лишь один запел так громко тот, не певший
ничего:

Мир лишь луч от лика друга, все иное тень
его!

«Лик Друга», «Друг» у Гумилева – иносказательное определение, согласно суфийской традиции, Высшей Силы, Созидающего Начала, Рая, Солнца, Любви.

Тема всевластия поэта и трагичности его судьбы разрабатывалась Гумилевым разнообразно: от трагического звучания «Гондлы» до изысканной шутливости, в ключе которой написана сказка «Дитя Аллаха». Нас интересует последняя в связи с ярко выраженной в ней восточной символики. Близость концепции поэта приводит Гумилева к выбору Гафиза своим героем.

Свою концепцию поэта Гумилев вкладывает в образ Гафиза – персонажа сказки, не искажая, черт Гафиза реального. В духе суфизма звучат слова Гумилевского Гафиза:

Я тоже дервиш, но давно
Я изменил свое служенье:
Мои дары Творцу – вино,
Молитвы – песнь о наслажденье

Но эта декларация отнюдь не вызывает порицания Дервиша, аллегорически представляющего в сказке Религию:

Я твердо знаю, что помочь
Лишь ты, Язык Чудес, ей можешь,
Пускай меня покроет ночь,
Когда и ты ей не поможешь.

Как видно, Дервиш (Религия) отдает здесь пальму первенства Гафизу (Поэзии). В дальнейшем эта иерархия получит в сказке свое объяснение.

В сказке Гумилев вновь демонстрирует глубокое знание материала: «Язык Чудес», как титулуется Гафиза Дервиш, не произвольная стилизация под восточное обращение, а реальное прозвище Гафиза – Лисан ал Гайб – Язык Тайн, допустимый перевод – Чудес.

Поэт могущественнее всех, потому что он властен над Словом. Но плененный красотой Пери:

Твои глаза как два агата, пери!
Твои уста красней граната, пери
Прекрасней нет от древнего Китая
До западного калифата, пери!..

Он ничего не сулит ей, оказавший помощь – ничего не требует всемогущий – готов покориться. Нравственное превосходство Гафиза над теми, кто не выдержал испытание, очевидно.

Для Гумилева царственный дар поэтической силы губит того, кто лишен благородства души. В миг творения в поэте пребывает Бог, и потому Дервиш – служитель Бога – говорит «Целую след твой на прощанье». Он склоняется не перед человеком, а перед одухотворяющей его высшей силой.

Гафизу не нужно Соломоново кольцо: он и без него понимает язык птиц и зверей – владеющему Словом не нужны волшебные предметы. Сама природа: птицы, цветы, восход солнца – и Гафиз поют единый гимн Бытия.

Сказка «Дитя Аллаха» кого-то развлечет своей искренней веселостью, кого-то заставит задуматься над вечными проблемами. Для самого поэта она имела очень большое значение, таила глубокий смысл. Если вновь обратиться к стихотворению «Персидская миниатюра», не трудно заметить, что в него поэт ввел персонажей своей сказки.

Двойник поэта, воплощенный в образе Гафиза, погружен в сказке в толщу литературных ассоциаций. Эту полифонию точно описал А. Левинсон: «Арабская сказка «Дитя Аллаха» возвеличивает в форме драматизированной притчи призвание поэта. Здесь образ Гафиза окружен целым сонмом воспоминаний: фигурами «1001 ночи», уже преломленными через философские сказки Вольтера, веяниями западного ветра, как он воспевает в «Диване» Гете, арабесками и эмалевой расцветкой персид-

ских миниатюр. На всех этих пахучих травах настоялся ароматный финал сказки Гумилева» (8).

Другого двойника Гумилев нашел себе в Имр уль Гейсе, арабском поэте VI века. Восточный герой пришел в творчество Гумилева, когда для него окончательно установилось тождество героя и поэта.

Обращение Гумилева к китайской поэзии, нашедшее отражение в «Фарфоровом павильоне» не случайно. Гумилев пишет: «Мне кажется, что мы покончили сейчас с великим периодом риторической поэзии, в который были вовлечены почти все поэты XIX века. Сегодня основная тенденция в том, что каждый стремится к словесной экономии... Новая поэзия ищет простоты, ясности и достоверности. Забавным образом все эти тенденции невольно напоминают о лучших произведениях китайских поэтов, и интерес к последним явственно растет в Англии, Франции и России» (9, 126).

Гумилев также увлекался танка – в японской поэзии пятистишием, в котором верхняя строфа дает главную мысль (часто со ссылкой на время года) – из этих «начальных» строф позднее возникла самостоятельная форма хокку, трехстишие, насчитывающее семнадцать слогов; вторая, «нижняя» строфа дает некое заключение. Гумилев назвал танка свое трехстишие, насчитывающее тридцать два слога «Вот девушка с газельими глазами...», впоследствии переименованное в «хокку»:

Вот девушка с газельими глазами
Выходит замуж за американца.
Зачем Колумб Америку открыл?..

Любовь поэта к Востоку, подкрепленная и чисто исследовательским интересом, отразилась в начатой Гумилевым мифологической эпее. «Поэма Начала» должна была состоять из 12 частей, но вышла только книга первая «Дракон». Представляется, что одним из творческих толчков, побудивших Гумилева написать поэму, было изучение им вавилонского эпоса. Поэт считал, что «изумительно прекрасная поэма о Гильгамеше» должна быть достоянием всех, а не только узких специалистов» (7, 239). Среди ассиро-вавилонских поэм, переведенных им, особенно важна космогоническая поэма «Энума Элиш» («Когда вверху») для сравнения с гумилевской поэмой «Дракон». «Когда вверху...», – это первые слова известного шумеро-аккадского текста о сотворении мира. С метафорическим описанием луны в «Энума Элиш» дословно совпадает зачин «Поэмы Начала» Гумилева, особенно вторая ее строка:

Красный бык приподнял рога (4, 385).

Дракон, находящийся в воде, сочинен Гумилевым по образу змееподобных чудовищ вавилонского эпоса, таких, как Диамат в «Когда вверху». Как и в поэме, в эпосе Гумилева гибель Дракона знаменует начало истории.

Древний восточный образ Дракона, чья смерть начинает письменную историю, у Гумилева, так или иначе, связан со старыми славянскими преданиями о волшебных змеях; о борьбе человека и Змея – Дракона. В «Поэме Начала» драконья смерть воплощается в жреце, который перед смертью Змея хочет выведать его секреты. Дракон, не желающий делиться с человеком, говорит в «Поэме Начала»:

Разве в мире сильных не стало,
Что тебе я знанье отдам?
Я вручу его розе алой,
Водопадам и облакам (4, 389).

«Алая роза» – это своего рода роза Духа, и непокорностью Дракон оказывается близок самому Гумилеву: поэма неожиданно приобретает отчасти автобиографический характер. Гибель Дракона в последний день, когда он пробудился, чтобы открыть все ему известные тайны, становится в один ряд с многочисленными поэтическими пророчествами Гумилева о собственной смерти.

В европейской поэзии (и шире – в истории европейской духовной жизни) открытие и начало глубокого изучения Востока связано, прежде всего, с романтизмом и с теми его позднейшими ответвлениями, которые называют «неоромантизмом». Не отдельные образы, но и целые сюжеты, вокруг них сложившиеся, входили в ту пору в европейские традиции и становились излюбленными, как ранее античные персонажи. Для одних Восток являлся фантастической страной, где романтические видения, пользующиеся восточными словами и образами, граничат с фантазией наяву, как в «Кубла хане» Кольриджа. Для других, по меткому выражению Бодлера, «искусственным райским садом». В случаях иных, как у романтиков, в какой-то мере соприкоснувшихся с восточной реальностью, эта последняя преобразуется ими в духе романтического ухода от иной, тяготеющей реальности. Символ Востока как прибежище становится все значимее к концу XIX века.

Гумилеву были близки самые разнообразные темы, он одинаково свободно чувствовал себя во всех географических широтах и поэтических стихиях. Поэтике Гумилева и его учению о «развитии образа» была близка идея перевоплощения и метаморфоз человеческой души.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков Ю.А. Дневник моих встреч. Николай Гумилев // Студенческий меридиан, 1991, № 2, с. 21-25
2. Бронгулеев В.В. Африканский дневник Н.С.Гумилева // Наше наследие, 1988, № 1, с. 79-87
3. Вольпе М.П. Африканские путешествия Н.С.Гумилева // Народы Азии и Африки, 1989, № 1, с. 98-109
4. Гумилев Н.С. Избранное. М.: Просвещение, 1990, 345 с.

5. Енишеров В.П. Жизнь и стихи Николая Гумилева // В кн. Н.Гумилев «Стихи. Поэмы». Тбилиси: 1989, с. 5-13
6. Лукницкая В. Н.Гумилев. Л.: Новый мир, 1990, с. 197.
7. Иванов В.В. Звездная вспышка. Поэтический мир Н.С.Гумилева // В кн. «Н.С. Гумилев. Стихи. Письма о русской поэзии», М.: Наука, 1990, с. 5-33
8. Лавров С. Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000.
9. Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М.: Наука, 1990.

NİKOLAY QUMİLYOV VƏ ŞƏRQ

L.Z.GƏRAYZADƏ

XÜLASƏ

Dahi rus şairi Nikolay Qumilyov yüksək şairlik istedadı, əsərlərindəki dərin mənə və solmaz gözəlliklərlə hələ öz sağlığında dünya şöhrəti qazanmışdır. Şərq motivləri onun yaradıcılığında xüsusi yer tutur. Məqalədə Qumilyovun Şərq haqqında şeirləri təhlil olunur.

Açar sözlər: Qumilyov, şərq motivləri, fars miniatürləri

NIKOLAI GUMILEV AND THE EAST

L.Z.GERAIZADEH

SUMMARY

The outstanding Russian poet Gumilev who was known for deep meaning and unfading beauties of his poems had earned the world recognition during his lifetime. Eastern motives took special place in his creative activity. Gumilev's poems concerning the East are analysed in the article.

Key words: Gumilev, Eastern motives, Persian miniatures